

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

Е. В. ЛЕНСКО

1890

А П Р Ъ Л Ъ № 4.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Христось Воскресе! Съ рисунками. <i>В. Р—а.</i>	51
II. Вербa. Съ рисунками <i>С. Лаврентьевой.</i>	55
III. Изъ сказокъ жизни. Съ рисунками. <i>П. Засодимскаго.</i>	59
IV. Чайная чашка и котель. Съ рисункомъ. <i>М. Л.</i>	61
V. Кукушья и курица. Съ рисунками. <i>М. Львовой.</i>	63
VI. Дѣтскіе Мотивы. <i>А—ковой. * *</i>	66

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

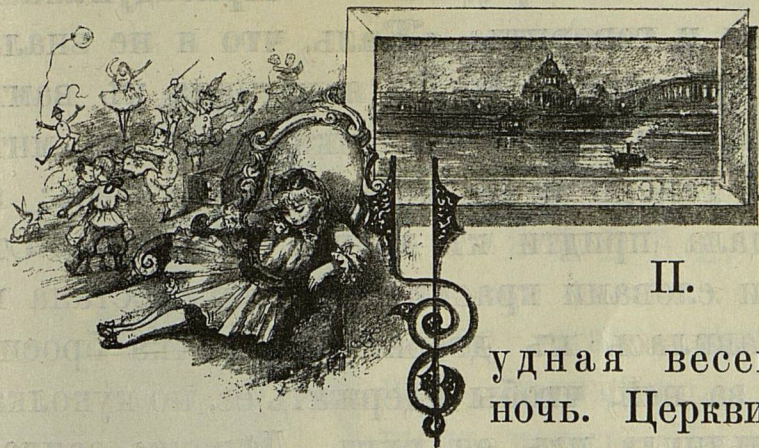

I.

Завтра Пасха. Маленькая Ниночка будет въ первый разъ разговляться. Ниночка хорошая дѣвочка: добрая, ласковая, только жалко, что она не аккуратна, а то ее можно было бы ставить въ примѣръ. Но Ниночка, къ сожалѣнію, не умѣла ничего беречь. Ея книги, тетради, карандаши, картинки — все было разбросано гдѣ и какъ попало, а бѣдныя куклы: одна безъ чулка, другая безъ платья, третья съ разбитой головой, — валяются онѣ не одѣтыя, растрепанныя. Наканунѣ Пасхи взглянула Ниночка на весь этотъ беспорядокъ и стыдно ей стало: «Нѣтъ, думаетъ она, такъ нельзя. Это беспокоить маму. Сдѣлаю я ей удовольствіе, уберу все къ празднику и буду

съ этого дня держать всѣ свои вещи въ порядкѣ». Принялась Ниночка за работу и все думаетъ: «поспѣю ли я къ вечеру?» Вотъ уже книги стоятъ рядкомъ на полкѣ, картинки, тетради собраны вмѣстѣ. Ниночка все хлопочетъ: тамъ вытретъ пыль, тутъ подвинетъ кресло, поправитъ занавѣску; ея маленькая комнатка совсѣмъ преобразилась. Каждая вещица такъ и блеститъ на солнцѣ. Дошла очередь и до куколъ. Много было хлопотъ съ ними... Ниночка спѣшитъ, а сама нѣтъ, нѣтъ, да и взглянетъ на часы... скоро вечеръ, мама пойдетъ въ церковь и брата Володю возьметъ съ собой, а Ниночка съ папой будетъ ждать ихъ возвращенія домой и потомъ всѣ будутъ разговляться.

Вотъ все и убрано. Ниночка сѣла въ кресло и любуется на свою комнатку: «А что-то будетъ въ красномъ яичкѣ, которое мнѣ дастъ мама? Какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть новую красивую куколку, думаетъ дѣвочка, я бы ее такъ берегла, такъ берегла!»

II.

удная весенняя ночь. Церкви, залитыя тысячью огней, полны народомъ, и только звонъ колоколовъ нарушаетъ тишину ночи.

Ниночка тихо сидитъ въ своемъ креслѣ. Вдругъ дверь отворилась и въ комнату легкой поступью вошла хорошенькая куколка. Старыя куколки оживились и бросились къ нарядной гостьѣ, даже сломанная шарманка заиграла вальсъ, всѣ начали танцовать. Натанцовавшись вдоволь, усталыя куколки усѣлись въ свои маленькія кресла также чинно, какъ ихъ ранѣе усадила Ниночка. «Какія вы сегодня чистенькія и нарядныя, сказала прекрасная гостья, я кажется васъ такими никогда и не видѣла». «Ахъ, воскликнули въ одинъ голосъ куклы, наша маленькая хозяйка совсѣмъ перемѣнилась, мы сами удивлены, какъ она хо-

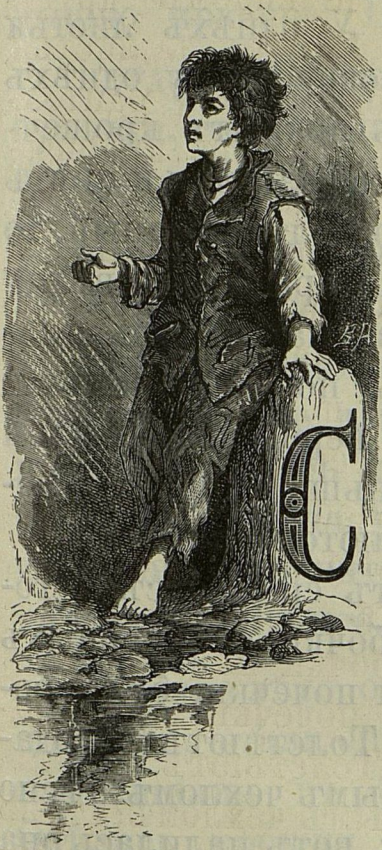
рошо насъ нарядила.» — Призадумалась гостыя и говоритъ: «Жаль, что я не знала этого раньше, а то бы я пришла къ вамъ совсѣмъ, и вѣрно Ниночка была бы мнѣ рада. Теперь я не могу этого сдѣлать: я обѣщала придти къ другой дѣвочкѣ». Съ этими словами красивая куколка встала и направилась къ дверямъ. Ниночка бросилась за ней, чтобы удержать ее, но куколка ускользнула изъ ея рукъ. Дѣвочка заплакала и... проснулась.

— Какъ ты крѣпко спала, моя крошка, — ласково сказала мама, нагнувшись надъ кресломъ, гдѣ сидѣла Ниночка. — Христосъ воскрес!

Мама поцѣловала дѣвочку и дала ей большое красное яичко, въ которомъ лежала новая кукла, такая же нарядная, какъ та, которую Ниночка видѣла во снѣ.

В. Р—а.

В Е Р Б А.

ильно стало пригрѣ-
вать солнышко. При-
шелъ мартъ. На солн-
цѣ снѣгъ то и дѣло
таетъ; развѣ къ ночи
попримерзнетъ. Скоро и
ручейки потекутъ,—за-
журчатъ, забурлятъ, буд-
то веселую пѣсенку за-
поютъ.

Стаялъ снѣгъ и съ
деревьевъ. Тянутся ихъ
голыя вѣтки къ ясному небу, просятъ
тепла и одежды. Придетъ тепло—появятся
на вѣткахъ почки, изъ почекъ развернутся
листья и одѣнутъ дерево, прикроютъ его.

Вотъ, близъ узкой рѣченки, растетъ мо-
лодая верба. Широко раскинула она свои
гибкія вѣтки, покрытыя красноватой корой.
У нашей вербы родство большое; вся эта
большая семья ивами называется; всѣ онѣ

одной породы, немного и видомъ другъ отъ друга отличаются. У однѣхъ листья подлиннѣе, у другихъ покороче; у однѣхъ листъ голый, у другихъ покрытъ крошечными волосиками. Немного разнится и цвѣтъ коры на ихъ вѣткахъ, то желто-красный, то синевато-красный. У нѣкоторыхъ ивъ вѣтки висятъ внизъ; такую иву называютъ плакучей. Другія торчатъ по сторонамъ и вверхъ, какъ у нашей вербы или бѣлой ивы. Но всѣ онѣ раньше другихъ деревьевъ весной покрываются листьями.

Другія деревья стоятъ еще совсѣмъ голыя, а смотришь, у вербочки на красныхъ вѣточкахъ ужъ красныя почечки, будто бородавочки, появились. Толстѣютъ бородавочки подъ своимъ краснымъ чехломъ; тѣсно въ чехлѣ сидѣтъ почкѣ; вотъ налилась она и лопнулъ чехолъ вдоль и оттуда появился мохнатенькій бурачекъ, пухленькій, мягонькій, будто изъ шелковаго плюшу сдѣланъ. У другихъ почекъ бываетъ по нѣскольку чехловъ, а наша вербочка свой бурачекъ однимъ чехломъ одѣваетъ; онъ не прихотливъ, не боится холоду; сбросилъ свою одежду и выглянулъ на свѣтъ Божій весе-

ленькій, мохнатенькій: — Здравствуй, солнышко красное! Пригрѣй меня крошку!

Когда на ивѣ появятся эти мохнатенькія пупочки, тогда она собственно и называется вербой.

Иногда почки эти разворачиваются раньше листьевъ, иногда въ одно время съ ними.

Грѣеть солнышко мохнатый бурачекъ; развиваетъ его длинной сережкой, который и есть цвѣтокъ ивы. Когда этотъ цвѣтокъ созрѣетъ, то на концахъ его сѣренькихъ волосковъ появятся крупинки съ желтой цвѣточной пылью.

Прошло лѣто, отцвѣлъ цвѣтокъ; созрѣли пылинки, стали онѣ сѣменами: крошечными зернышками въ бѣлой пуховой одеждѣ. Одѣлись крошки потеплѣе, въ пуховую шубку; знаютъ онѣ, что предстоитъ имъ дальняя дорога. Загудитъ вѣтеръ, закачаетъ вѣтки деревьевъ, стряхнетъ съ нихъ крошки-сѣмена и разнесетъ ихъ кругомъ. Упадутъ сѣмена на землю; примочетъ ихъ дождемъ въ глубь земли. Тепло имъ тамъ станетъ; начнетъ сѣмя развиваться, пуститъ корни, будто тонкія нити внутрь земли, а весной выпуститъ ростокъ изъ земли на свѣтъ

Божій и будетъ развиваться въ новое деревцо.

Сначала оно маленькое, отъ земли не видать, а затѣмъ все глубже будутъ уходить его корни въ землю, все толще становится; а подъ землей стволикъ будетъ вверхъ лѣзть, сначала вѣточкой, тамъ кустикомъ, а затѣмъ и цѣлымъ деревцомъ.

Пригрѣло деревцо мартовскимъ солнышкомъ. Выглянули изъ красныхъ чехловъ мохнатенькія пупочки. Любо имъ, тепло подъ лучами солнца.

— Ахъ, хорошо на свѣтѣ! Ясно, тепло!

Кругомъ ручейки талаго снѣга журчатъ. Воробьи-болтуны по вѣткамъ скачутъ. Старая ворона неуклюже выступаетъ. Вдругъ ворона: ка-аръ! ка-аръ! И летитъ прочь. Знать почуяла людей.

Пришли люди, наломали гибкихъ вѣтокъ вербы и понесли ихъ прочь.

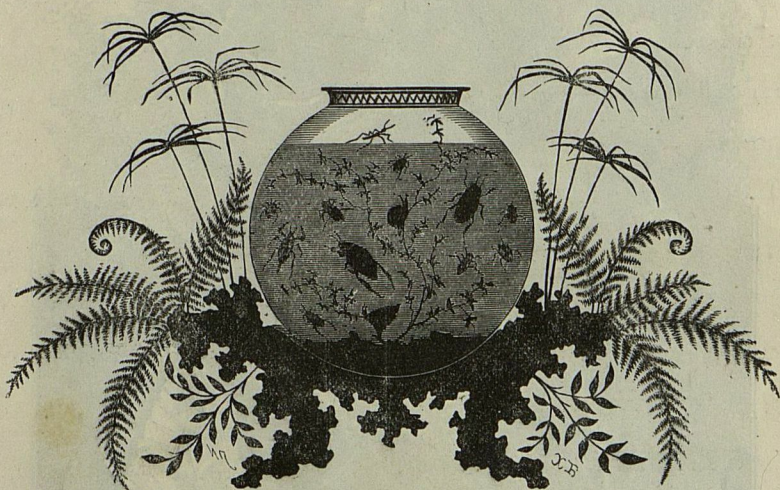
— Прощай свѣтъ, прощай тепло!

Но напрасно прощались со свѣтомъ гибкія вѣтки. Увидѣли онѣ опять свѣтъ и тепло въ Божьемъ храмѣ.

Звонко гудятъ колокола; идетъ народъ молиться за всенощной въ «вербную субботу», всякій держитъ въ рукахъ вѣтку гиб-

кой вербы съ ея мохнатенькими пупочками. Подлѣ вѣтки держать въ рукѣ богомолецъ зажженную свѣчку; горитъ свѣча маленькимъ теплымъ пламенемъ, грѣетъ и освѣщаетъ гибкую вербу; тепло ей, свѣтло, и желаетъ она, чтобы также тепло и свѣтло было на сердцѣ у всѣхъ молящихся.

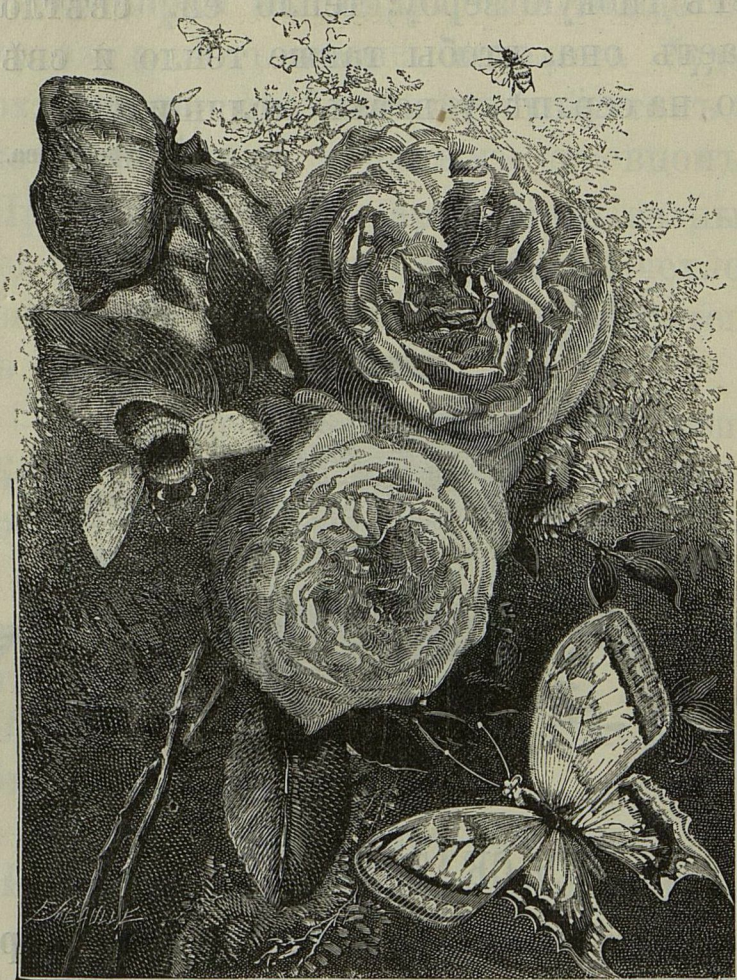
С. Лаврентьева.

ИЗЪ СКАЗОКЪ ЖИЗНИ.

...По зеленой лужайкѣ цвѣтами поросшей, за бабочкой бѣгалъ маленькій мальчикъ, а старая няня подѣ тѣнью деревьевъ тихо дремала. Вдругъ мальчикъ бросился къ нянѣ, тормошитъ и теребитъ ее...

— Няня! А, няня?—онъ лепечеть тревожно.—Няня, бабочкѣ крылья пришей... Я ненарочно ихъ оторвалъ!

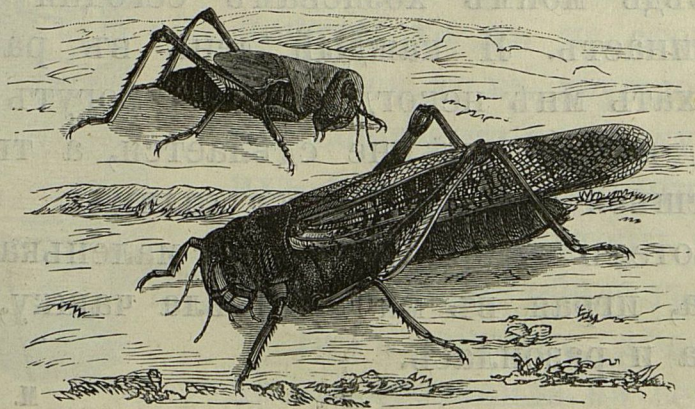
— Что ты, Господь съ тобой! Развѣ же крылышки можно пришить!.. Вотъ,

баловникъ!..—няня ворчить и зѣваетъ, со сна глаза протирая.

А мальчикъ не можетъ уняться и, плача, къ ней пристаётъ:

— Няня, пришей,—пришей же ей крылышки... Мнѣ жаль ее, няня! Мнѣ жаль...

II. Засодимскій.

ЧАЙНАЯ ЧАШКА И КОТЕЛЪ.

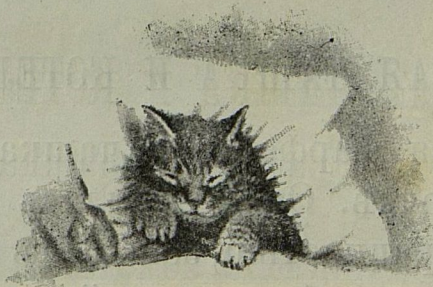
Маленькая фарфоровая чашка красовалась на полочкѣ. Она гордилась своей бѣлизной, прозрачностью, золотымъ ободкомъ, цвѣтами, которые были на ней нарисованы.

Ниже, какъ разъ противъ нея, въ каминѣ, на огнѣ, стоялъ котелокъ, гдѣ кипѣлъ супъ,—это приготовлялся ужинъ для всей семьи.

«Какъ этотъ котелъ некрасивъ, тяжелъ, неповоротливъ; какой онъ грязный», — сказала чашка. — «Дѣйствительно, ты красивѣе меня», прервалъ ее котелокъ, который слышалъ нелюбезное разсужденіе о себѣ красивой чашки, — «а скажи, пожалуйста, можешь ли ты вытерпѣть, такой жаръ, какой терплю вотъ я? Онъ мнѣ очень непріятенъ, но вѣдь моимъ хозяевамъ сегодня надо поужинаетъ. Я каждый день въ работѣ, отдыхать мнѣ некогда... Меня могутъ толкать, ничего мнѣ не сдѣлается, а ты разобьешься отъ малѣйшаго толчка».

Котелъ говорилъ правду; маленькая дѣвочка, играя въ мячъ, задѣла чашку, она упала и разбилась.

М. Л.

КУКУШКА И КУРИЦА.

Солнышко свѣтитъ. По двору ходитъ насѣдка, а близи и вдали отъ нея бѣгаютъ маленькіе, желтенькіе цыплята. Курица хлопчетъ: то въ ту сторону бросится, то въ другую: это она собираетъ въ кучку своихъ дѣтокъ, чтобы они были около нея, чтобы ихъ кто-нибудь не обидѣлъ.

Вотъ пришла дѣвочка Даша; поставила на землю деревянный кружекъ, съ мелко-нарубленными яйцами, блюдце съ молокомъ и стала сзывать цыплятъ:

— Цыпъ! цыпъ! цыпоньки!

Курица заклохтала и повела къ ней своихъ малютокъ. Цыплятки ѣдятъ и пьютъ, а мать ихъ ходитъ вокругъ, подбираетъ крошечки. Накормивъ дѣтокъ, курица усѣлась подлѣ забора и стала заботливо прятать цыплятъ подъ крылья. Они, какъ маленькія

дѣти, набѣгались, устали, имъ тоже нужно немного отдохнуть.

За заборомъ, на высокой ели, сидитъ кукушка. Отъ скуки она заводитъ разговоръ съ курицей:

— Удивляюсь я вамъ, говоритъ она, какъ это вы по цѣлымъ днямъ возитесь съ птенцами: это должно быть скучно!

— Нѣтъ, возражаетъ ей курица, напротивъ: мнѣ очень весело смотрѣть, какъ мои дѣти бѣгаютъ и рѣзвятся вокругъ меня. А развѣ у васъ нѣтъ своихъ?—спрашиваетъ она кукушку.

— Конечно, есть; но я ихъ не вижу и не вожусь съ ними: это должно быть очень непріятно и трудно. Лицъ своихъ я не высиживаю: я кладу ихъ въ чужія гнѣзда. Птицы высиживаютъ моихъ дѣтей, онѣ и воспитываютъ ихъ, а я живу, безъ заботъ, одна.

— За то вамъ и грустно!—сказала курица—у васъ нѣтъ заботъ, но нѣтъ и радостей. Вы постоянно одна и поете вы такую унылую пѣсню!..

Кукушка задумалась.

Цыплята, проснувшись, начали бѣгать по двору; курица ходила за ними, учила

ихъ искать кормъ, слушала ихъ пискъ, понимала ихъ разговоръ и отвѣчала заботливымъ клохтаньемъ.

Кукушка долго смотрѣла на нихъ, ей тоже хотѣлось водить дѣтокъ, но ихъ не было: они были для нея чужими потому, что другія птицы замѣнили имъ мать. Перелетѣвъ на другое дерево, она прокуковала свою печальную пѣсню и улетѣла дальше, въ глубину лѣса.

М. Львова.

ДѢТСКІЕ МОТИВЫ.

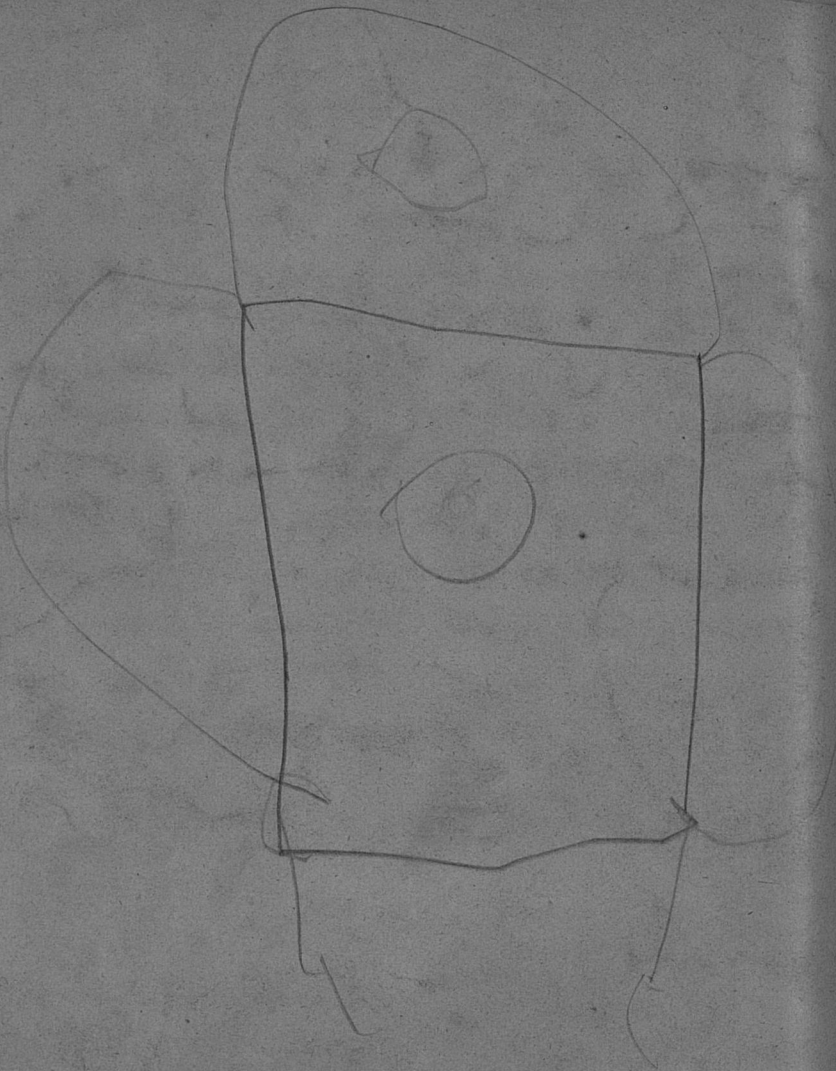
альчикъ стоялъ у потока и глядѣлъ въ его свѣтлыя воды. И казалось мальчкѣ, что если онъ ступитъ на дно, то омочитъ едва свои ноги... Мальчикъ! Обманчиво дно золотое: глубже оно, чѣмъ глазами измѣрить ты можешь. Слабыя ножки подкоситъ быстрое струй колебанье и понесутъ тебя волны, какъ брошенный въ воду цвѣтокъ.

А—кова

Редакторъ-издательница А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

Дозв. цензуры. Спб., 27 Марта 1890 г. Типографія А. М. Вольфа, Б. Итальян., 2.

11 11 11